

Литрес ≡ Классика

Генрик Ибсен

РОСМЕРСХОЛЬМ

Генрик Ибсен
Росмерсхольм

«ЛитРес»

1886

Ибсен Г.

Росмерсхольм / Г. Ибсен — «ЛитРес», 1886

В старинной усадьбе Росмерсхольм, над которой висит предание о призрачных белых конях, бывший пастор Йоханнес Росмер и живущая у него Ребекка Вест пытаются построить новый мир, основанный на свободе и духовном благородстве. Но тень прошлого – необъяснимое самоубийство его жены – не даёт им покоя, а столкновение с политическими интригами, семейными тайнами и неумолимой консервативной моралью подводит героев к последней, решительной черте.

© Ибсен Г., 1886

© ЛитРес, 1886

Содержание

Действующие лица	6
Действие первое	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ибсен Генрик
Росмерсхольм. Драма в четырех действиях

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

Действующие лица

Йуханнес Росмер, владелец Росмерсхольма, бывший приходский пастор.

Ребекка Вест, живет в доме Росмера.

Ректор Кролл, зять Росмера.

Ульрик Брендель. Педер Мортенсгор.

Мадам Хельсет, экономка в Росмерсхольме.

Действие происходит в Росмерсхольме, старой дворянской усадьбе, вблизи городка, лежащего на одном из фьордов западной Норвегии.

Действие первое

*Гостиная в Росмерсхольме – просторная, уютная, обставленная в старинном вкусе. Впереди, у стены направо, печь, украшенная пучками свежих березовых веток и полевых цветов. Подальше за нею дверь. В средней стене двустворчатые двери в переднюю. В стене на лево окно и перед ним жардиньерка с растениями и цветами. У печки стол с диваном и креслами. По стенам развешаны старинные и новые портреты пасторов, офицеров и чиновных особ в мундирах. Окно раскрыто, двери в переднюю и наружная дверь из передней также раскрыты. В последнюю дверь видна аллея из больших старых деревьев, ведущая к усадебному двору. Летний вечер после заката солнца. **Ребекка** сидит в кресле у окна и вяжет из шерсти большой платок, почти уже готовый, время от времени поглядывая из-за цветов в окно и высматривая кого-то между деревьями. Немного спустя справа входит мадам **Хельсет**.*

Мадам Хельсет. Пожалуй, пора помаленьку накрывать на стол к ужину, фрекен?

Ребекка. Да, накрывайте. Пастор, верно, скоро вернется.

Мадам Хельсет. Не надудо бы вам тут, фрекен? Ужасный сквозняк.

Ребекка. Да, немножко дует. Закройте, пожалуйста.

Мадам Хельсет (*закрывает двери в переднюю и направляется к окну, чтобы закрыть его; выглядывая в окно*). Да не пастор ли это идет там?

Ребекка (*живо*). Где? (*Встает.*) Да, он. (*Прячась за занавесью.*) Отойдите. Не надо, чтобы он нас заметил.

Мадам Хельсет (*отойдя от окна*). Нет, подумайте, фрекен, – опять стал ходить мельничной тропинкой.

Ребекка. Он и позавчера там прошел. (*Заглядывая в щель между занавесью и косяком окна.*) Но вот посмотрим теперь...

Мадам Хельсет. Хватит ли у него духу перейти через мостик?

Ребекка. Вот это-то я и хочу посмотреть. (*Немного погодя.*) Нет. Повернул. И сегодня верхней дорогой пойдет. (*Отходит от окна.*) В обход.

Мадам Хельсет. Ох, господи! Нелегко, видно, пастору перейти через этот мостик. Там, где такое стряслось, там...

Ребекка (*складывая работу*). Вы тут, в Росмерсхольме, долго держитесь за своих покойников.

Мадам Хельсет. А по-моему, так покойники долго держатся за Росмерсхольм.

Ребекка (*смотрит на нее*). Покойники?..

Мадам Хельсет. Да, выходит так, будто они никак не могут расстаться с теми, что остались тут.

Ребекка. С чего вы это взяли?

Мадам Хельсет. А то откуда бы взяться этому белому коню?

Ребекка. Да что это, собственно, за белый конь такой, мадам Хельсет?

Мадам Хельсет. Не стоит об этом и толковать. Все равно вы ничему такому не верите.

Ребекка. А вы, значит, верите?

Мадам Хельсет (*собираясь закрыть окно*). Ну, так я вам и далась на зубок, фрекен. (*Выглядывая в окно.*) Ай... да никак пастор опять вышел на мельничную тропинку?..

Ребекка (*глядя в окно со своего места*). Вон тот человек? (*Подходя к окну.*) Да ведь это ректор!

Мадам Хельсет. Верно – ректор!

Ребекка. Нет, вот славно! Увидите, он к нам.

Мадам Хельсет. И прямехонько через мостик! Даром, что она ему родная сестра была... Ну, так я пойду накрою на стол, фрекен. (*Уходит направо.*)

Ребекка некоторое время неподвижно смотрит в окно, затем улыбается и кивает. Начинает смеркаться.

Ребекка (*идет к двери направо и говорит в соседнюю комнату*). Голубушка мадам Хельсет, вы уж постарайтесь подать к ужину что-нибудь получше. Вы ведь знаете, что ректор больше любит.

Мадам Хельсет (*из другой комнаты*). Хорошо, фрекен. Постараюсь.

Ребекка (*отворяя дверь в переднюю*). Ну, наконец-то!.. Добро пожаловать, дорогой ректор!

Кролл (*в передней, ставя палку в угол*). Благодарю. Так я не обеспокою своим посещением?

Ребекка. Вы? Полно, как вам не стыдно!

Кролл (*входя*). Всегда любезны. (*Озираясь.*) А Росмер разве у себя наверху?

Ребекка. Нет, он пошел гулять, да вот что-то замешкался против обыкновения. Но теперь, верно, сию минуту придет. (*Указывая на диван.*) Пожалуйста, присядьте пока...

Кролл (*положив шляпу на стол*). Очень благодарен. (*Садится и озирается.*) Однако какой нарядной стала у вас эта старая комната, премило. Везде цветы.

Ребекка. Росмер ужасно любит свежие, живые цветы вокруг себя.

Кролл. И вы, по-видимому, также?

Ребекка. Да. По-моему, они так сладко одурманивают своим ароматом. Прежде нам приходилось отказывать себе в этом удовольствии.

Кролл (*грустно качая головой*). Бедная Беата не переносила запаха цветов.

Ребекка. И красок тоже. У нее голова кружилась...

Кролл. Помню, помню. (*Переходя на обыкновенный разговорный тон.*) Ну, как же теперь идут у вас дела?

Ребекка. Да ничего, все идет своим чередом, потихоньку. День за днем. А у вас как? Что ваша супруга?..

Кролл. Ах, дорогая фрекен Вест, не будем говорить о моих делах. В семье всегда – не одно, так другое, все какие-нибудь неприятности. Особенно в теперешние времена.

Ребекка (*немного погодя садится в кресло у дивана*). Почему вы ни разу не заглянули к нам за все каникулы?

Кролл. Ну, нельзя же постоянно обивать у людей пороги...

Ребекка. Знали бы вы, как мы скучали по вас!..

Кролл. ...И к тому же я уезжал...

Ребекка. Всего недели на две. Принимали участие в народных сходках?

Кролл (*кивая*). Да, что вы скажете на это? Думали ли вы, что я на старости лет запишусь в политические агитаторы? А?

Ребекка (*улыбаясь*). Немножко-то вы всегда агитировали, господин ректор.

Кролл. Ну да, так, ради личного удовольствия. Но теперь этим приходится заняться всерьез, право... Вы когда-нибудь читаете радикальные газеты?

Ребекка. Да, дорогой ректор, не скрою, что...

Кролл. Милая фрекен Вест, в этом ничего такого нет. По крайней мере, что касается вас.

Ребекка. И я так думаю. Нельзя же отставать от века. Надо знать...

Кролл. Во всяком случае, от вас, как от женщины, я и не стал бы требовать, чтобы вы решительно стали на чью-нибудь сторону в этой гражданской междоусобице... я готов сказать – гражданской войне, которая у нас свирепствует... Ну, следовательно, вы знаете, как эти господа «из народа» изволят набрасываться на меня? Какие грубые, гнусные выходки позволяют себе по моему адресу?

Ребекка. Но, мне кажется, и вы довольно таки энергично огрызаетесь.

Кролл. Да, могу сказать. Теперь и я наточил зубы. Пусть узнают меня! Не таковский я им дался, чтобы покорно подставлять спину под удары... (*Обрывая.*) Однако не будем сегодня вдаваться в эту прискорбную, изматывающую тему.

Ребекка. Не будем, не будем, дорогой ректор.

Кролл. Скажите-ка мне лучше, как теперь у вас тут наладилась жизнь, когда вы остались одни? Со смерти нашей бедной Беаты?..

Ребекка. Благодарю, ничего. Конечно, без нее стало так пусто. Скучно, грустно, разумеется. А то вообще...

Кролл. Вы думаете остаться тут? То есть совсем, хочу я сказать.

Ребекка. Ах, дорогой ректор, право, я ничего еще не думаю. Конечно, я так уже обжилась в Росмерсхольме, что мне кажется, будто я своя здесь в доме.

Кролл. Вы, – ну, еще бы!

Ребекка. И пока господин Росмер находит, что я могу немножко быть ему полезной, скрасить ему жизнь, я, верно, и поживу здесь.

Кролл (*глядит на нее растроганно*). Знаете, это великая черта в женщине – способность вот так жертвовать своей молодостью для других.

Ребекка. Ах! А то для чего бы мне и жить!

Кролл. Сначала вы не знали ни отдыха ни покоя с этим капризным, несносным паралитиком – приемным отцом вашим...

Ребекка. Нет, знаете, пока мы жили в Финмаркене, доктор Вест вовсе еще не был таким несносным. Его доканали эти ужасные морские поездки. А вот когда мы переехали сюда... тогда, правда, выпали два-три тяжелых года, пока он не отстрадал свое.

Кролл. А последующие годы разве не были для вас еще тяжелее?

Ребекка. Нет, что вы! Я так искренне любила Беату... И ей, бедняжке, так нужен был уход, заботы и ласки.

Кролл. Честь вам и хвала, что вы вспоминаете о ней с таким участием и снисхождением.

Ребекка (*придвигаясь поближе*). Дорогой ректор, вы сказали это так мило, сердечно, что я уверена – за вашими словами не скрывается ни тени неудовольствия.

Кролл. Неудовольствия? Что вы хотите этим сказать?

Ребекка. Ну, ничего не было бы удивительного, если б вам было неприятно видеть меня, чужую женщину, хозяйкой в Росмерсхольме.

Кролл. Да что вы, господь с вами!..

Ребекка. Значит, этого нет. (*Протягивая ему руку.*) Благодарю, дорогой ректор! Спасибо, спасибо вам за это.

Кролл. Да как, скажите на милость, могла прийти вам в голову такая мысль?

Ребекка. Я стала немножко побаиваться этого, – ведь вы так редко заглядывали к нам.

Кролл. Поистине, вы глубоко заблуждались в данном случае, фрекен Вест. И кроме того... по существу ведь и нет никакой перемены. Вы же, вы одна управляли всем домом под конец жизни бедной Беаты.

Ребекка. Ну, тогда это было нечто вроде регентства именем хозяйки дома.

Кролл. Как бы там ни было... Знаете что, фрекен Вест, я со своей стороны, право, ничего не имел бы и против того, чтобы вы... Но, пожалуй, об этом неудобно даже говорить...

Ребекка. То есть о чем?

Кролл. Ну, о том, чтобы дело сложилось так, что вы заняли бы опустевшее место...

Ребекка. Я занимаю то место, какое желаю, господин ректор.

Кролл. Фактически, но не...

Ребекка (*прерывая его, серьезно*). Стыдно вам, ректор Кролл! Как это можно шутить такими вещами?

Кролл. Да, конечно, наш милый Йуханнес, пожалуй, сыт по горло брачной жизнью. Но все-таки...

Ребекка. Знаете, просто смешно становится, слушая вас.

Кролл. Все-таки!.. Скажите-ка мне, фрекен Вест, если позволено будет спросить, сколько вам, в сущности, лет? Ребекка. Стыдно признаться – целых двадцать девять, господин ректор. К тридцати годам подходит.

Кролл. Да-а. А Росмеру сколько? Пойдите... он пятью годами моложе меня. Ну, значит, ему верных сорок три. По-моему, как раз пара.

Ребекка (*вставая*). Да-да, да-да, как раз... Вы напьетесь с нами чаю?

Кролл. Спасибо. Я и предполагал посидеть у вас подольше. Надо поговорить об одном деле с милым нашим Йуханнесом. И затем, фрекен Вест... чтобы вы опять не стали задаваться неподходящими мыслями, я буду заходить сюда почаще – как в прежнее время.

Ребекка. Ах, пожалуйста. (*Пожимая ему руки.*) Спасибо, спасибо! Вы все-таки очень добры и милы.

Кролл. Да? Ну, дома я что-то не слышу таких отзывов.

Йоханнес Росмер входит из дверей справа.

Ребекка. Господин Росмер... видите, кто у нас?

Росмер. Мадам Хельсет уже предупредила меня.

Кролл встает.

(Пожимая ему руки, тихо и мягко.) Добро пожаловать опять в наш дом, дорогой Кролл. *(Кладет ему руки на плечи и заглядывает в глаза.)* Дорогой старый друг! Я так и знал, что когда-нибудь все пойдет у нас опять по-прежнему.

Кролл. Милый ты человек! И ты тоже забрал себе в голову эту нелепую фантазию, будто между нами закралось что-то такое?..

Ребекка *(Росмеру)*. Подумайте, как хорошо, что все это была одна фантазия.

Росмер. Это действительно так, Кролл? Тогда почему же ты совсем отдалился от нас?

Кролл *(серьезно, понижая тон)*. Потому что мне не хотелось ходить тут живым напоминанием о тех злополучных годах... и о ней... покончившей жизнь в мельничном водопаде.

Росмер. Побуждения у тебя, значит, были самые прекрасные. Ты всегда так чуток и деликатен. Но, в сущности, совсем напрасно было удаляться от нас по этой причине. Ну, пойдем же, сядем на диван. *(Садятся.)* Нет, мне совсем не больно вспоминать Беату. Мы ежедневно говорим о ней. Она все еще как будто живет тут, с нами.

Кролл. В самом деле?

Ребекка *(зажигая лампу)*. Да, конечно.

Росмер. Да это же так понятно. Мы оба всей душой любили ее. И Ребек... и фрекен Вест и я – оба мы сознаем, что делали все, что могли, для бедной страдальцы. Нам не в чем упрекнуть себя. Поэтому, мне кажется, наши воспоминания о Беате и овеваны таким мягким, кротким чувством.

Кролл. Ах вы, милые, славные люди! Теперь я буду приходить к вам каждый день.

Ребекка *(сядаясь в кресла)*. Ну, смотрите же, сдержите слово.

Росмер *(несколько растягивая слова)*. Знаешь, Кролл, я бы дорого дал, чтобы наши отношения с тобой никогда не прерывались. Все время, что мы знаем друг друга, я смотрел на тебя как на первого своего друга и советчика. С тех самых пор, как был еще студентом.

Кролл. Помню. И я чрезвычайно дорожу этими нашими отношениями. Но разве теперь у тебя есть что-нибудь такое особенное?..

Росмер. Много, много, о чем хотелось бы мне побеседовать с тобой откровенно. По душе.

Ребекка. Не правда ли, господин Росмер? Мне кажется, это было бы так хорошо... Между старыми друзьями...

Кролл. Поверь, и у меня есть, о чем поговорить с тобой. Я ведь теперь втянулся в активную политику, как тебе, вероятно, известно.

Росмер. Да, знаю. А как, собственно, это произошло?

Кролл. Пришлось, видишь ли. Поневоле. Невозможно больше оставаться праздным зрителем. Теперь, когда радикалы столь прискорбным образом захватили власть, – как раз во благовремение... Оттого я и убедил наш маленький кружок в городе сплотиться теснее. Во благовремение, говорю я!

Ребекка *(с беглой улыбкой)*. А не поздненько ли, собственно?

Кролл. Бесспорно, лучше было бы остановить течение на более ранней его стадии. Но кто же мог предвидеть, куда все это заведет? Я, во всяком случае, не мог. *(Встает и ходит*

по комнате.) Теперь же глаза у меня открылись. Теперь мятежный дух проник даже в самую школу.

Росмер. В школу? Не в твою же, однако?

Кролл. Именно. В мою собственную. Каково это тебе покажется! Узнаю вдруг, что юнцы старшего класса – то есть некоторые из них – вот уже с полгода образовали тайный кружок и выписывают газету Мортенсгора!

Ребекка. А, «Маяк»?

Кролл. Да. Как, по-вашему, – здоровая это духовная пища для будущих чиновников? Но самое прискорбное в данном случае то, что стакнулись и устроили такой заговор против меня все самые способные ученики! В стороне остались одни тупицы, второгодники.

Ребекка. И вы так близко принимаете это к сердцу, ректор?

Кролл. Принимаю ли! Когда мне суют палки в колеса, портят дело всей моей жизни! *(Понизив голос.)* Но я готов сказать, что и это бы еще с полгоря. А вот что хуже всего... *(Озираясь.)* Надеюсь, нас никто не подслушивает за дверями?

Ребекка. О, никто, никто.

Кролл. Так знайте же – мятеж и раздор проникли и в мой собственный дом. В мою собственную тихую семью. Нарушили мир моей семейной жизни.

Росмер *(встает)*. Что ты говоришь! У тебя в доме?..

Ребекка *(подходя к ректору)*. Дорогой ректор, что же такое случилось?

Кролл. Представьте себе, мои собственные дети... одним словом... мой Лауриц – главарь этой шайки школьников! А Хильда вышила красную папку, чтобы прятать туда номера «Маяка»!

Росмер. Вот чего мне никогда не снилось... чтобы у тебя... в твоём доме!..

Кролл. Да кому бы это приснилось? В моем доме, где всегда царил дух послушания и порядка... где до сего времени царило единодушие, одна воля...

Ребекка. А как приняла это ваша супруга?

Кролл. Да, вот это-то самое невероятное! Всю свою жизнь, и в мелочах и в серьезных вопросах, она разделяла мои мнения, одобряла все мои взгляды, и вдруг, оказывается, теперь во многом готова склониться на сторону детей. Да еще меня же винит в том, что случилось. Говорит, что я угнетаю молодежь. Как будто не необходимо именно... Так вот какой раздор вселился в мой дом. Но я, разумеется, по возможности избегаю говорить об этом. О таких делах лучше молчать. *(Ходит по комнате.)* О-хо-хо-хо! *(Останавливается с заложенными за спину руками у окна и глядит в него.)*

Ребекка *(приближается к Росмеру и говорит ему быстрым шепотом, незаметно для ректора)*. Скажи ему!

Росмер *(так же)*. Не сегодня.

Ребекка *(так же)*. Именно сегодня! *(Отходит и поправляет лампу.)*

Кролл *(возвращается от окна)*. Так вот, дорогой Росмер, теперь ты знаешь, что дух времени осенил своими темными крылами и мою семейную жизнь и мое официальное поприще. И чтобы я да не стал бороться с этим пагубным, растлевающим и всесокрушающим духом времени любым оружием, какое только попадет под руку? Нет, я твердо решил действовать. И пером и словом.

Росмер. И надеешься чего-нибудь достигнуть таким путем?

Кролл. Во всяком случае, хочу отбыть воинскую повинность гражданина. И, по-моему, патриотический долг обязывает к тому же всех и каждого, кто стоит за добро и за правое дело. Вот по этому поводу я главным образом и пришел к тебе сегодня.

Росмер. Но, дорогой мой, что ты хочешь сказать? Что же я могу?..

Кролл. Помочь своим старым друзьям. Поступать, как мы. Идти с нами рука об руку, по мере возможности.

Ребекка. Но вы же знаете, ректор, господину Росмеру все это не по душе.

Кролл. Свое нерасположение ему придется как-нибудь побороть. Ты плохо следишь за веком, Росмер. Сидишь тут, зарывшись в свои исторические изыскания. Сохрани бог, я отношусь с полным уважением ко всем этим родословным и всему прочему. Да время-то теперь не такое, чтобы этим заниматься, к сожалению. Ты представить себе не можешь, в каком положении теперь страна. Чуть ли не все перевернулось вверх дном, изменились все понятия. Нужно положить гигантский труд на то, чтобы все восстановить, одолеть все заблуждения.

Росмер. И я так думаю. Но такого рода труд совсем мне не по плечу.

Ребекка. И вдобавок, я думаю, сам господин Росмер стал смотреть на жизнь шире, чем прежде.

Кролл (*пораженный*). Шире?

Ребекка. Да, – или свободнее. Более независимо и беспристрастно.

Кролл. Что это значит? Росмер... да не мог же ты оказаться настолько слабым, дать себя ослепить такой случайностью, что вожаки толпы одержали временную победу!

Росмер. Дорогой мой, ты ведь знаешь, как мало я смыслю в политике. Но, право, мне кажется, что в послед-ние годы люди, отдельные личности стали мыслить как-то самостоятельнее.

Кролл. Н-ну, и ты это без дальнейших околичностей считаешь за благо? Как бы тебе тут жестоко не ошибиться, друг мой! Ты прислушайся только, какие мнения в ходу у радикалов – и среди сельского населения и в городе. Та же самая премудрость, что проповедуется «Маяком».

Ребекка. Да, Мортенсгор имеет здесь сильное влияние на многих.

Кролл. Подумать, – человек с таким запятнанным прошлым! Человек, которого за безнравственность отрешили от должности преподавателя!.. И подобный господин туда же норовит в народные вожаки!.. И это ему удастся! Поистине, удастся! Теперь собирается, я слышал, расширить газету. Мне известно из верных источников, что он ищет опытного соредактора.

Ребекка. Удивляюсь, как это вы с вашими друзьями не предпримете чего-нибудь против него.

Кролл. Мы как раз и собираемся. Сегодня мы приобрели «Областной вестник». Финансовая сторона предприятия не представляет никаких затруднений. Но... (*Обращается к Росмеру.*) Да, вот я и дошел до настоящей цели своего сегодняшнего визита. Ведение дела... ведение самой газеты – вот что нас затрудняет. Скажи мне, Росмер... не взял ли бы ты это на себя, чтобы поддержать правое дело?

Росмер (*почти с испугом*). Я!

Ребекка. Нет, что это вам вздумалось!

Кролл. Твою боязнь народных сходов и того угощения, которым там любят потчевать, можно еще понять. Но деятельность редактора, который остается в большей мере в стороне, или, вернее...

Росмер. Нет, нет, дорогой друг! Об этом ты меня и не проси.

Кролл. Я бы сам охотно попытал свои силы на этом поприще. Но мне решительно не управиться. Я уже и без того завален делами без счету. Ты, напротив, свободен теперь от всяких служебных обязанностей. Мы, остальные, само собой, будем помогать тебе, насколько окажемся в силах.

Росмер. Не могу, Кролл. Не гожусь для этого.

Кролл. Не годишься? То же самое ты говорил, когда отец твой выхлопотал тебе место приходского пастора.

Росмер. И я был прав. Оттого я и ушел.

Кролл. Ах, будь только ты таким редактором, каким был пастором, – мы останемся довольны.

Росмер. Дорогой Кролл... говорю тебе раз навсегда: я не возьмусь за это дело.

Кролл. Ну, так хоть дай нам свое имя.

Росмер. Мое имя?

Кролл. Да, уже одно имя Йуханнеса Росмера будет крупным приобретением для газеты. Мы, остальные, ведь слышем за людей узко партийных. Я даже считаюсь ярым фанатиком, – мне говорили. Поэтому мы и не можем рассчитывать, чтобы наши имена открыли газете доступ в массу, сбитую уже с толку. Ты, напротив, всегда держался вне борьбы партий. Весь твой мягкий, честный душевный склад... твой высокий образ мыслей... твоя неуязвимая честность известны и ценятся у нас здесь всеми. А к этому надо еще прибавить уважение и почтение, которое стяжала тебе твоя прежняя пасторская деятельность. И, наконец, старинное, почетное родовое имя!

Росмер. Ах, родовое имя...

Кролл (*указывая на ряд портретов*). Росмеры из Росмерсхольма – все пасторы, офицеры и администраторы, занимавшие высокие ответственные посты. Все корректные, благородные люди – род, который в течение вот уже скоро двух веков считается первым во всей области. (*Положив ему на плечо руку.*) Росмер, ты обязан ради себя самого и во имя родовых традиций присоединиться к нам, стать на страже всего того, что до сих пор считалось справедливым в нашем обществе. (*Оборачиваясь.*) Что *вы* скажете, фрекен Вест?

Ребекка (*с тихим смешком*). Дорогой ректор... мне просто смешно...

Кролл. Что такое? Смешно!

Ребекка. Ну да, потому что я вам скажу прямо...

Росмер (*быстро*). Нет, нет... не надо! Не теперь! Кролл (*глядя то на него, то на нее*). Да что такое, ради самого неба, друзья мои?.. (*Обрываясь.*) Гм!..

Справа входит мадам Хельсет.

Мадам Хельсет. Там с черного хода пришел какой-то человек. Говорит, что хочет познакомиться с пастором.

Росмер (*переводя дух*). А! Так попросите его сюда.

Мадам Хельсет. Сюда, в комнаты?

Росмер. Ну да.

Мадам Хельсет. Да он как будто не таков с виду, чтобы его пускать в комнаты.

Ребекка. А каков же он с виду, мадам Хельсет?

Мадам Хельсет. Да не больно казист, фрекен...

Росмер. Он не сказал своей фамилии?

Мадам Хельсет. Да, кажется, Хекман или что-то в этом роде.

Росмер. Никого такого не знаю.

Мадам Хельсет. Сказал еще, что зовут его Ульрик.

Росмер (*пораженный*). Ульрик Хетман! Так?

Мадам Хельсет. Да, да, Хетман.

Кролл. Это имя я когда-то слышал...

Ребекка. Да ведь так, кажется, подписывался тот... чудак...

Росмер (*Кроллу*). Это псевдоним Ульрика Бренделя.

Кролл. Отпетого Ульрика Бренделя! Да, да!

Ребекка. Так он жив еще.

Росмер. Я думал, что он разъезжает с какой-то театральной труппой.

Кролл. Последнее, что я о нем слышал, – это, что он сидел в рабочем доме.

Росмер. Попросите его сюда, мадам Хельсет.

Мадам Хельсет. Хорошо. (*Уходит.*)

Кролл. Неужто ты в самом деле пустишь к себе на порог этого человека?

Росмер. Да ведь ты знаешь, он был когда-то моим учителем.

Кролл. Да, знаю, что он набивал тебе голову всякими мятежными мыслями и что отец твой выводил его за это из дому хлыстом.

Росмер (с некоторой горечью). Отец и дома держал себя майором.

Кролл. Скажи ему за это спасибо, милый Росмер... Н-ну!

Мадам Хельсет открывает дверь справа, выпускает Ульрика Бренделя и снова затворяет ее. Он видный мужчина, с несколько помятым лицом, но живой и бойкий, с седыми волосами и бородой. Костюмом же смахивает на бродягу. Истасканный сюртук, никаких признаков белья, плохая обувь. На руках старые перчатки, под мышкой грязная мягкая шляпа, в руке тросточка.

Брендель (сначала неуверенно, но затем бойко направляется к ректору и протягивает руку). Добрый вечер, Йуханнес!

Кролл. Извините...

Брендель. Не ожидал свидеться со мной снова? Да еще в этих ненавистных стенах?

Кролл. Извините... (Указывая.) В о т...

Брендель (оборачиваясь). Верно. Вот он, Йуханнес... мой мальчик... мой любимец!..

Росмер (протягивает ему руку). Мой старый учитель!

Брендель. Вопреки некоторым воспоминаниям, я не захотел пройти мимо Росмерсхольма, не завернув на минутку.

Росмер. И вам здесь сердечно рады теперь. Будьте уверены.

Брендель. А эта привлекательная дама?.. (Кланяясь.) Разумеется, фру пасторша?

Росмер. Фрекен Вест.

Брендель. Вероятно, близкая родственница. А сей незнакомец? Очевидно, собрат твой.

Росмер. Ректор Кролл.

Брендель. Кролл? Кролл? Постой. Вы были в молодости на филологическом факультете?

Кролл. Само собой разумеется.

Брендель. Donnerwetter! Так я тебя знал!

Кролл. Извините...

Брендель. Разве не ты был...

Кролл. Извините...

Брендель. ...одним из тех жандармов добродетели, которые изгнали меня из «Дискуссионного кружка»?

Кролл. Весьма возможно. Но я протестую против всякого более близкого знакомства.

Брендель. Но-но! Nach Belieben, господин доктор. Мне все едино. Ульрику Бренделю от этого ни тепло ни холодно.

Ребекка. Вы, верно, направляетесь в город, господин Брендель?

Брендель. Фру пасторша угадала. Время от времени я принужден вступать в борьбу за существование, давать маленькое сраженье. Неохотно я это делаю, но... enfin!.. настоятельная необходимость...

Росмер. Дорогой господин Брендель, не позволите ли вы мне помочь вам чем-нибудь? Так или иначе – хочу я сказать...

Брендель. Ха! Такое предложение! Ты бы хотел осквернить те узы, которые связывают нас? Никогда, Йуханнес... никогда!

Росмер. Но что же вы думаете предпринять в городе? Поверьте, вам нелегко будет...

Брендель. Предоставь уж это мне, мой мальчик. Жребий брошен. Перед тобой человек, который выступает в длительный поход. Более длительный, нежели все мои прежние набеги

вместе. (*Ректору.*) Дозволено будет спросить господина профессора, – unter uns, – имеется ли в вашем почтенном городе сколько-нибудь приличная респектабельная и поместительная зала для сходок?

Кролл. Самая поместительная – в Союзе рабочих.

Брендель. Имеет ли господин доцент какое-либо осязательное влияние в этом, без сомнения, полезном союзе?

Кролл. Я не имею к нему никакого отношения.

Ребекка (*Бренделю*). Вам надо обратиться к Педеру Мортенсгору.

Брендель. Pardon, madame, – это что за идиот?

Росмер. Почему вы непременно полагаете, что он идиот?

Брендель. Разве не слышно сразу по имени, что это плебей?

Кролл. Такого ответа я не ожидал.

Брендель. Но я превозмогу себя. Делать нечего. Раз мой жизненный путь дошел теперь до поворотного пункта... Решено. Я вступлю в сношения с указанной особой... завяжу переговоры...

Росмер. Вы серьезно дошли до поворотного пункта? Брендель. Разве мой мальчик не знает, что до чего бы ни дошел Ульрик Брендель, он дошел до этого серьезно? Да, видишь ли, я хочу облечься в нового человека. Покинуть выжидательное положение, которого доселе держался.

Росмер. Как?..

Брендель. Хочу воздействовать на жизнь – сильной и деятельной рукою. Выйти на арену. Выступить. Настало время бурь, солнцеворота. И я хочу возложить свою лепту на алтарь освобождения.

Кролл. И вы?..

Брендель (*ко всем*). Известны ли публике более или менее подробно мои разбросанные литературные творения?

Кролл. Нет, должен откровенно признаться...

Ребекка. Я кое-что читала. У моего приемного отца они были.

Брендель. Прекрасная хозяйка дома, вы потратили ваше время даром. Потому что все это одна труха, скажу я вам.

Ребекка. Вот как?

Брендель. То, что вы читали, – да. Самых важнейших моих произведений никто не знает, никто, кроме меня самого.

Ребекка. Почему же?

Брендель. Потому что они не написаны.

Росмер. Но, дорогой господин Брендель...

Брендель. Тебе известно, Йуханнес, что я чуточку сибарит Feinschmecker. Всегда был таков. Я люблю наслаждаться в одиночестве. Тогда я наслаждаюсь вдвойне, вдесятерне. Видишь ли, когда ко мне слетали золотые грезы творчества... окутывали меня своей дымкой... когда новые, головокружительно смелые мысли рождались в моей голове, обвеивали меня своими крылами... тогда я сплетал их в поэму, в образы, картины. То есть в общих чертах, понимаешь.

Росмер. Да, да.

Брендель. И как я наслаждался на своем веку! Загадочное блаженство творчества, – в общих чертах, как я уже сказал, – одобрение, благодарность, славу, лавры – все это я загребал дрожащими от радости руками. Насыщался в своих тайных мечтах радостью, блаженством. Витал на седьмом небе!

Кролл. Гм...

Росмер. Но ничего не заносили на бумагу?

Брендель. Ни слова. Это вульгарное бумагомарание всегда возбуждало во мне тошноту. И с какой стати было мне профанировать мои собственные идеалы, когда я мог наслаждаться ими во всей их чистоте один? Но теперь приходится ими пожертвовать. Поистине, я испытываю при этом такое чувство, как мать, которая сдает своих юных дочерей с рук на руки мужьям. Но я все-таки принесу их в жертву... на алтарь освобождения. Ряд мастерски составленных лекций... Я объеду с ними всю страну!..

Ребекка *(с живостью)*. Это будет крупная жертва, господин Брендель. Вы отдаете самое дорогое, что есть у вас.

Росмер. И единственное.

Ребекка *(многозначительно глядя на Росмера)*. Многие ли это сделают? Дерзнут сделать!

Росмер *(обмениваясь с ней взглядом)*. Кто знает?

Брендель. Собрание растрогано. Это проливает бальзам на мое сердце... и укрепляет волю. И засим я, следовательно, перехожу к делу... Только вот что... *(Ректору.)* Не скажете ли вы мне, господин наставник, имеется в городе общество трезвости? Общество абсолютной трезвости? Само собой, есть?

Кролл. Да, к вашим услугам. Я сам председатель.

Брендель. Мне так и сдавалось! Ну, в таком случае весьма возможно, что я явлюсь к вам записаться в члены – на недельку.

Кролл. Извините... мы не принимаем недельных членов.

Брендель. *Ala bonne heure*, господин педагог. Ульрик Брендель никогда и не обивал порогов таких обществ. *(Поворачиваясь.)* Но я не смею затягивать мое пребывание в этом доме, столь богатым воспоминаниями. Мне надо в город, подыскать себе подходящее пристанище. Там, надеюсь, найдется порядочная гостиница?

Ребекка. Не выпьете ли на дорогу, чтобы согреться?

Брендель. Чего, всемилостивейшая?

Ребекка. Чашку чаю или...

Брендель. Благодарю высокощедрую хозяйку дома. Но я неохотно пользуюсь частным гостеприимством. *(Делая прощальный жест рукой.)* Будьте здоровы, господа! *(Дойдя до дверей, оборачивается.)* Ах да, вот что!.. Йуханнес... пастор Росмер... не окажешь ли ты своему бывшему учителю одолжение ради многолетней дружбы?

Росмер. Готов, от всей души.

Брендель. Хорошо. Так одолжи мне... на день, на два... свежую крахмальную сорочку.

Росмер. Только-то?

Брендель. А то, видишь ли, я по образу пешего хождения – на этот раз. Багаж мой придет попозже.

Росмер. Хорошо, хорошо. Но, может быть, еще что?

Брендель. Да, знаешь, если бы у тебя нашелся лишний подержанный летний сюртук...

Росмер. Да, да, найдется, конечно.

Брендель. Да к нему бы еще пару приличных сапог...

Росмер. Все, все найдется. Сообщите только адрес – все будет вам выслано.

Брендель. никоим образом! Никаких хлопот из-за меня! Я возьму эти безделицы с собой.

Росмер. Хорошо, хорошо. Так не угодно ли пожаловать наверх.

Ребекка. Позвольте лучше мне. Мы с мадам Хельсет все устроим.

Брендель. Ни за что не позволю, чтобы такая благороднейшая дама...

Ребекка. Ну, полно! Пойдемте, господин Брендель. *(Идет направо.)*

Росмер *(задерживая Бренделя)*. Скажите, не могу ли я еще чем быть вам полезен?

Брендель. Право, уж не знаю, чем бы еще? Или, черт возьми, как подумаю хорошенько... Йуханнес, нет ли у тебя случайно при себе восьми крон?

Росмер. Посмотрю. *(Открывает портмоне.)* Тут две бумажки по десяти.

Брендель. Ну, все равно. Годятся. Всегда ведь можно разменять в городе. Спасибо пока. Ты помни, я взял две по десяти. Спокойной ночи, мой милый мальчик! Спокойной ночи, высокоуважаемый! *(Уходит направо, сопровождаемый до двери Росмером, который и затворяет за ним дверь.)*

Кролл. Боже милостивый! Так это тот самый, Ульрик Брендель, из которого – когда-то ожидали – выйдет нечто крупное!

Росмер *(тихо)*. Во всяком случае, у него хватило мужества прожить жизнь по-своему, своим умом. И *это* уже немало, по-моему.

Кролл. Что? Жить, как он живет! Подумаешь, чего доброго, он в состоянии вскружить тебе голову еще раз.

Росмер. Ну нет. Теперь я уже выяснил себе все, сам разобрался по всем статьям.

Кролл. Дай бог, чтобы так, дорогой Росмер. А то ты крайне податлив на всякое постороннее влияние.

Росмер. Давай сядем и поговорим.

Кролл. Давай.

Садятся на диван.

Росмер *(помолчав)*. Как по-твоему, хорошо у нас, уютно здесь?

Кролл. Да, здесь теперь стало очень хорошо, уютно – и мирно. У тебя завелся настоящий домашний очаг, Росмер. А я свой потерял.

Росмер. Дорогой Кролл, не говори так. Что теперь разрознено соединится вновь.

Кролл. Никогда, никогда. Ядовитое жало останется. По-старому уж никогда не будет.

Росмер. Послушай, Кролл, вот мы с тобой были близки много, много лет. Мыслимо ли, по-твоему, чтобы наша дружба порвалась?

Кролл. Я не знаю ничего такого в свете, что могло бы порвать ее. С чего тебе это пришло в голову?

Росмер. Да вот, ты придаешь такое решительное значение единству во мнениях и взглядах.

Кролл. Ну, да, но ведь мы же с тобой почти едины во взглядах. В главных, коренных вопросах, во всяком случае.

Росмер *(тихо)*. Нет. Этого нет уже.

Кролл *(готовый вскочить)*. Что такое!

Росмер *(удерживая его)*. Нет, сиди. Прошу тебя, Кролл.

Кролл. Да что же это такое? Я тебя не понимаю! Выскажись прямо!

Росмер. В душе моей новое лето. Я обрел новый, юношески свежий взгляд на жизнь. И вот я пришел туда же...

Кролл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.